

**ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В МЕТОДОЛОГИИ СТРУКТУРАЛИЗМА:
ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ**

Д. Н. Христенко, А. Н. Филькин

Ярославский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2019 г.

Аннотация: проанализированы ключевые положения методологии структурализма, отмечается намерение представителей этого течения сблизить гуманитарное знание с естественно-научным, выделить глубинные структуры в мышлении человека и формах общественного сознания. Подчеркивается, что важным импульсом к последующему стремительному развитию структурализма послужил методологический прорыв в лингвистике. В качестве наглядного примера использования структурного метода приводится анализ знаменитого мифа об Эдипе. Подробно разбираются отрицательные и положительные стороны подобного подхода. Отмечается неудачная попытка К. Леви-Стросса приравнять историю к мифу на том основании, что речь идет об одинаковых по своей сути способах объяснения действительности. Делается вывод о том, что, хотя структурализму не удалось в полной мере реализовать заявленную программу, он оказал заметное влияние на методологию науки и способствовал развитию междисциплинарных подходов в гуманитарном знании.

Ключевые слова: структурализм, методология, гуманитарное знание, история, научный закон, мифология, бинарные оппозиции, бессознательное.

Abstract: this article analyzes the key provisions of the methodology of structuralism, notes the intention of representatives of this trend to bring together humanitarian knowledge with natural science, to identify the underlying structures in the human mind and in the forms of social consciousness. It is emphasized that the methodological breakthrough in linguistics, associated with the selection of the language as a separate object of research, served as an important impulse for the subsequent rapid development of structuralism. As an illustrative example of the use of the structural method, Claude Levi-Strauss' analyze of the famous Oedipus myth is given. Negative and positive aspects of this approach are discussed in detail. Underlines the unsuccessful attempt of K. Levi-Strauss to equate history with the myth on the basis that we are talking about the same ways of explaining reality. It is concluded that, although structuralism failed to fully implement the stated program, it had a significant impact on the methodology of science and contributed to the development of interdisciplinary approaches in humanitarian knowledge.

Key words: structuralism, methodology, humanitarian knowledge, history, scientific law, mythology, binary oppositions, conscious.

Структурализм – одно из самых интересных направлений современной западной философии, вызванное желанием мыслителей XX в. придать гуманитарному знанию строгую научность в полном смысле этого

слова. Согласно одному из распространенных определений, структурализм – общее название ряда направлений в социогуманитарном познании XX в., которые связаны с поиском логических структур, объективно существующих за многообразными явлениями культуры. Эти структуры не лежат на поверхности, а должны быть открыты исследователем и являются продуктом сознательной и бессознательной деятельности человека [1, с. 74].

Исторические корни развития структурализма восходят к XIX в., когда философы попытались впервые осмыслить отличие гуманитарного (прежде всего исторического) знания от естественно-научного. Дело в том, что вплоть до этого времени гуманитарных наук как научного феномена фактически не существовало. Так, И. Кант, обсуждая структуру научного знания в своей знаменитой работе «Критика чистого разума», отмечал, что все науки делятся на чистое естествознание, математику и метафизику [2, с. 61–64]. В его описании не находится места ни истории, ни лингвистике, ни социологии. И лишь в XIX в., как отчетливо показано в фундаментальном исследовании М. Фуко о генеалогии гуманитарных наук, возникает комплекс научных дисциплин, общий характер которых связан с искусственным выделением человека как главного и единственного объекта изучения [3].

Наиболее подробно в эпоху XIX в. вопрос о сущности гуманитарного знания рассмотрел немецкий мыслитель Вильгельм Дильтей, представитель знаменитого направления «философия жизни», который разделил все имеющиеся знания на «науки о духе» и «науки о природе». Именно тогда впервые был выдвинут фундаментальный вопрос: «Каким образом мы можем отграничить науки о духе от наук о природе? В чем состоят сущность истории и ее отличие от других наук? Достижимо ли объективное историческое знание?» [4, с. 115].

При этом речь шла не только об истории. Ведь история, по В. Дильтею, является лишь самой наглядной представительницей целой группы смежных наук, «связанных друг с другом родственностью и взаимным обоснованием». Немецкий мыслитель отмечал: «История, политическая экономия, науки о праве и государстве, религиоведение, исследования в области литературы и поэзии, искусства и музыки, философское мировоззрение (как теория и как познание исторического процесса) – таковы эти науки. В чем же состоит родство между ними? Я постараюсь вернуться к тем основаниям, что являются общими для всех них. Все эти науки относятся к людям, их взаимным отношениям и к внешней природе» [там же]. В дальнейшем проблема внутреннего единства гуманитарного знания и его отличия от естественно-научного оказалась в центре внимания всех гуманитарных дисциплин: социологии, культурологии, филологии, искусствознания, этнологии, религиоведения, психологии, литературы и т. д.

В естественных и точных науках, которые являются эталоном научного познания, считается, что событие (явление) подлежит научному исследованию, если его можно объяснить с помощью объективных про-

цессов и связанных с ними научных законов. Например, коррозия металлов – это частный случай окислительно-восстановительного процесса, протекающего в результате окисления атомов металла.

Однако в истории существуют такие события, которые нельзя подвести под общие законы. Они по-своему неповторимы. Например, победа Карла XII в битве при Нарве в 1700 г. является уникальным событием, равно как и его поражение под Полтавой девятью годами позже. Два этих события трудно однозначно возвести к неким всеобщим закономерностям, даже если они теоретически имеют место. Но если некое социальное, политическое или культурное событие невозможно объяснить, подобно тому, как это происходит в точных дисциплинах, то его можно постараться понять, переживая прошедший опыт, будь то свой личный, собственный.

В работе «Построение исторического мира в науках о духе» В. Дильтей писал: «Так что же имеют все эти [гуманитарные] науки общего в своем отношении к людям, в своем отношении друг к другу и к внешней природе? Все они фундированы в переживании, в выражениях переживаний и в понимании этих выражений. Переживаемое и понимание любого рода выражений переживаний фундируют все понятия, суждения, познания, которые свойственны наукам о духе... Реальность имеет в них смысл, отличный от смысла в естественном знании... Эта группа наук составляет, следовательно, особую область, подчиненную собственным законам, коренящимся в природе того, что может быть пережито, выражено и понято» [там же, с. 116].

Таким образом, исторический метод стал пониматься как ориентированный на описание и вживание в мотивы и устремления видных государственных деятелей, великих ученых и авторов художественных произведений прошлого.

Мыслители, которые были не удовлетворены этим положением и стремились преодолеть определенную неполноценность гуманитарного знания в рамках науки, дали рождение структурализму как принципиально новому течению и типу исследований. Несмотря на широко распространенное убеждение в несводимости «наук о духе» к «наукам о природе» структуралисты попытались выстроить гуманитарные науки по образцу естественных наук. Они заявили о наличии жестких и неизменных законов и объявили, что социальные факты являются частными случаями строгой системы отношений – структуры.

Временем рождения структурализма можно считать XX век. Важным импульсом к его последующему стремительному развитию послужил методологический прорыв в лингвистике, связанный с выделением языка как отдельного объекта исследования, подчиняющегося строгим закономерностям. В работе «Курс общей лингвистики» крупнейшему швейцарскому лингвисту Фердинанду де Соссюру удалось показать, что речь при всей своей спонтанности восходит к определенным правилам – положениям грамматики, которые для области речи есть не что иное,

как законы. Объясняя, как язык связан с речью, Ф. де Соссюр впервые применяет так называемый структурный анализ, обращаясь к понятию структуры. В его интерпретации структура – это некое «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами».

Данное определение позволяет соотнести структурный анализ с классической античной типологией причин существования, сформулированной еще Аристотелем. В работе «Метафизика» древнегреческий философ указывал, что «во-первых, причиною мы называем сущность и основание, в силу которого что-либо есть то, что оно есть и чем было – ибо каждое “почему” сводится в конце концов к первому основанию, а первое “почему” есть причина и начало; во-вторых, [причиною мы называем] материю и субстрат; в-третьих, то, откуда начало движения; в-четвертых, противоположное ей, именно то, ради чего что-либо [существует], и благо (ибо оно есть цель всякого происхождения и движения)» [5, с. 37–38].

В рамках приведенной схемы структурным анализом будет синтез первого и четвертого типа причин. Это связано с тем, что структурное объяснение предполагает: а) выявление сущности и основания путем фиксирования общей структуры целого и б) выявление того, какую цель, какую функцию в поддержании целого выполняет исследуемый частный элемент.

Таким образом, при структурном подходе какое-либо явление берется не как простая сумма элементов, но как единое целое, характеризующееся новыми качествами и свойствами. Данное положение, с одной стороны, также восходит к Аристотелю, который отмечал, что «целым называется то, в чем не отсутствует ни одна часть того, из чего получается целое по природе, а также то, что обнимает заключающееся в нем, так что последнее составляет нечто единое» [там же, с. 206].

С другой стороны, данное положение перекликается со знаменитым системным подходом, согласно которому необходимо изучать не отдельные элементы, а их взаимосвязи в рамках целого. Так, применительно к биологии, сторонники системного подхода отмечали, что требуется рассматривать не отдельные клетки, ткани, виды или биохимические процессы, а их связи. Они утверждали: «Действительно, сравним таких животных, как мышь и кит. Разница в весе у них в 10 млн раз, среда обитания и внешняя форма совершенно различны. Почти все процессы в организме мыши и кита различаются в количественном отношении, и все же план строения настолько общий, что их справедливо относят к одному классу млекопитающих» [6, с. 271].

Кроме того, приверженцы системного подхода отмечали, что в результате различной конфигурации одинаковых элементов системы могут возникать новые качества. Убедительным примером может служить известное явление изомерии в химии, когда одни и те же элементы, по-разному сгруппированные, будут обладать совершенно разными

свойствами. Например, одинаковый химический состав C_4H_{10} , по-разному сгруппированный, дает два разных вещества (метилпропан и бутан) с отличающимися характеристиками (рис. 1).

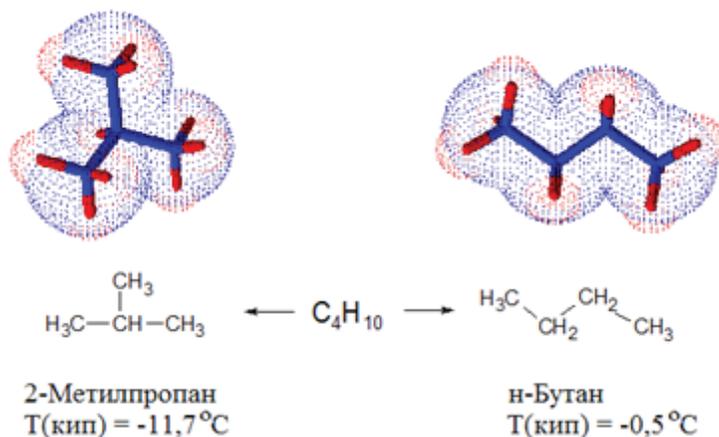

Рис. 1. Иллюстрация системного подхода в химии

Но сам основатель структурализма Ф. де Соссюр предпочитал приводить в пример шахматы, поскольку их природа приближена к природе языка, – это замкнутая система, состоящая из конечного числа элементов и ограниченного числа правил их употребления.

Швейцарский ученый так характеризовал эту аналогию: «Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Уяснению этого может помочь сравнение с игрой в шахматы, где довольно легко отличить, что является внешним, а что внутренним. То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменяю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет “грамматику” игры» [7, с. 61].

Пример Ф. де Соссюра действительно очень наглядный. Ведь если мы зададимся целью выяснить сущность некой шахматной фигуры, например «коня», то станет очевидно, что она никак не связана с материалом. Ясно, что всякая шахматная фигура может быть изготовлена из чего угодно: дерева, стекла, металла. Значит, субстрат не есть сущность фигуры. Форма «коня» также не является значимой – существует большое разнообразие форм изображения шахматных фигур, тем более что, строго говоря, в шахматы можно играть и просто подписав листочки бумаги и расположив их в правильном порядке на доске. Следовательно, и форма не определяет сущность фигуры. Тогда что значит «быть конем»? Не что иное, как определенное расположение и отличительные функции в замкнутой системе шахматных фигур. Значит, сущность «коня» может быть понята только в контексте структуры шахматной игры. Также и в

языке значимость его элементов может быть понята только в контексте всей системы. Таков самый главный вывод Соссюра.

«Возьмем коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности вне занимаемого им поля на доске и прочих условий игры он ничего для игрока не представляет; он становится реальным и конкретным элементом в игре лишь постольку, поскольку он наделен значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что во время игры эта фигура сломается или потеряется; можно ли будет заменить ее другой, равнозначной? Конечно, можно. Не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, не имеющий с ним никакого сходства, может быть отождествлен с конем, если только ему будет придана та же значимость. Мы видим, таким образом, что в семиологических системах, как, например, в языке, где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости и наоборот. Вот почему понятие значимости в конечном счете покрывает и понятие единицы, и понятие конкретной языковой сущности, и понятие языковой реальности», — отмечал швейцарский ученый [там же, с. 143].

Единственное, но крайне важное различие, как признавал сам Соссюр, было связано с бессознательным характером языка: «Лишь в одном пункте наше сравнение неудачно: у шахматиста имеется намерение сделать определенный ход и воздействовать на систему отношений на доске, язык же ничего не замышляет — его “фигуры” передвигаются, или, вернее, изменяются, стихийно и случайно... Чтобы партия в шахматы во всем уподобилась функционированию языка, необходимо представить себе бессознательно действующего или ничего не смыслящего игрока» [там же, с. 122].

Вскоре после открытий в области лингвистики структурный метод стал широко применяться в научных исследованиях, выступив в качестве плодотворного способа решения сложнейших проблем в различных областях гуманитарного знания. Наиболее широкое распространение это направление получило во Франции, где ученые, философы и мыслители начали поиск структур в самых разнообразных сферах культуры — в языке, литературе, различного рода социальных установлениях, истории идей, искусстве, явлениях массовой культуры, мифологии, и т. п.

Согласно структурному методу реальность, подобно психике, необходимо анализировать на глубинном, бессознательном уровне. Это связано с тем фактом, что структуру попросту невозможно обнаружить на уровне сознания. Легче всего понять, что значит бессознательность структуры, вновь обратившись к опыту владения языком. Очевидно, что мы не осознаем правила грамматики, когда говорим, хотя говорим правильно. Объяснить это обстоятельство обычным автоматизмом нашей речи невозможно, поскольку последний возникает в ходе многочисленных повторений и тренировок, а это плохо согласуется с фактическим развитием языковых навыков. Ведь даже маленький ребенок, который

еще только начинает говорить и не имеет большого языкового опыта, говорит по большей части правильно [8, с. 205].

При этом ряд исследователей отмечают, что, помимо обращения к лингвистике, структурализм в лице Клода Леви-Стросса многое почерпнул из психоанализа и немецкой «гештальт-психологии», прежде всего в контексте примата «отношений» над «понятиями» [9, р. 408]. Неслучайно методология структурализма предполагала изменение общей направленности исследования: отныне не рациональное «я» субъекта, а безличные и глубоко подсознательные структуры, взятые в их внутренних и внешних взаимосвязях, оказываются в центре внимания.

На этом пути были достигнуты значительные успехи. В частности, применение структурного метода к конкретному исследовательскому материалу – истории развития архаических обществ и мифологического мышления – позволило найти ответ на ряд ключевых вопросов культурологии и этнографии (феномен универсальности запрета на инцест, природу родовых взаимоотношений и пр.).

Классическим примером использования структурного метода для объяснения смысла повествования является анализ Клодом Леви-Строссом древнегреческого мифа об Эдипе в работе «Структурная антропология» [10].

Французский ученый полагает, что миф об Эдипе необходимо рассматривать не отдельно, изолированно, а в непосредственной связи с другими мифологическими преданиями Древней Греции. В частности, Леви-Стросс обращается к малоизвестному мифу о Кадме. Его краткое содержание сводится к тому, что Кадм, пустившись на поиски своей сестры Европы, похищенной Зевсом, основывает город Фивы. При этом на месте основания Фив он сражается с волшебным Змием, которого убивает, а его зубы по воле богов засеивает в землю. Из них прорастают воины, но по указке богов Кадм бросает в их стан камень, и они практически полностью взаимно истребляют друг друга (немногие оставшиеся в живых дадут впоследствии начало воинственным спартамцам) [11, с. 153–157].

Сыном Кадма является Лабдак, а его внуком – Лай, отец Эдипа. Не пересказывая хорошо известную историю Эдипа, стоит напомнить судьбу его детей. После ослепления и изгнания Эдипа из Фив, его сыновья Этеокл и Полиник начинают оспаривать друг у друга власть над городом, но в ходе междоусобной войны, оба погибают. Их дядя Креонт, ставший новым царем, возлагает вину на уже погибшего Полиника, запрещая оказывать ему последние почести при захоронении. Но дочь Эдипа Антигона нарушает волю царя и совершает обряд погребения своего брата Полиника, за что осуждается на смерть. Решив не дожидаться казни, она совершает самоубийство.

При рассмотрении мифа об Эдипе неизбежны вопросы: к чему ведет этот рассказ; почему это всё; происходит, в чем состоит смысл мифа? Смыслом может быть нечто, дающее ценностное обоснование излагае-

мой истории. Например, классический исследователь Яков Голосовкер в своей знаменитой работе «Логика мифа» трактует поведение Эдипа как отказ от поверхностного, чувственного взора с помощью глаз и переход к новому, глубинному, внутреннему взору путем самоослепления.

«Эдип в трагедии “Эдип царь” еще зряч, но он сам ослепляет себя, когда осознает всю самонадеянность своей ограниченной зрячести смертного. Будучи предупрежденным, что он убьет своего отца и женится на своей матери, убегая от убийства и кровосмесительного брака, он всё же убил своего отца, не желая, не зная, что это его отец (о, слепота!), и он женился на своей матери Иокасте, не зная, что это его мать (о, слепота!). Он совершил два самых тяжелых преступления – отцеубийство и кровосмешение – по неведению, по слепоте своей... Он видел своего отца, он видел свою мать – и он убил его, и совершил кровосмешение: и это значит быть зрячим!... Нет, это слепота. Так прочь же слепое зрение! Лучше мрак, чем обман, – и Эдип вырывает у себя глаза. Внешний мир “виденья” исчез. Осталась только ошущь его. Но ему открылся внутренний мир: и смысл образа “виденье” переходит из внешнего к внутреннему миру виденью – к внутреннему оку» [12, с. 145–146].

Подобное объяснение, выдвинутое Я. Голосовкером, можно было бы назвать смыслом мифа об Эдипе. Но сам Леви-Стросс исходит из других оснований. Миф – это не игра воображения и не философская спекуляция. В этом отношении он не принимает ни знаменитого психоаналитического разбора мифа об Эдипе З. Фрейдом [13, с. 267–270] как проявления подавленного сексуального желания ребенка, ни трактовки Э. Фромма [14, с. 158–184], воспринимавшего древнегреческое повествование как описание скрытой борьбы матриархата и патриархата.

Миф, по мнению французского ученого, представляет собой структуру, которая соответствует социальным отношениям в архаическом обществе. Главная задача заключается в том, чтобы в этом видимом произвольном и хаотичном повествовании найти и выделить структуры. Подобные структуры существуют в языке. Из слова можно вычленить фонему, которая будет давать корень слова, с помощью которого можно будет восстановить весь языковой ряд, систему синонимов. По аналогии необходимо найти «мифему». Но как это сделать?

Клод Леви-Стросс утверждает, что если двигаться по дорожке мифа, можно заметить повторение отношений или событий, стереотипный ход в поведении героя. При этом данное повторение отношений может возникать не только между старыми героями, но и между новыми. В результате Леви-Стросс предлагает посмотреть на миф как на музыкальное произведение. У музыкального произведения есть диахронический ряд (движение музыки во времени, развитие мелодии) и синхронический ряд (время от времени мелодия повторяется). Если выстроить две повторяющиеся мелодии в колонку, это будет структурой. Точно так же и в мифе. Можно представить, что миф – это набор цифр, расположенных в хаотичном порядке. И если распределить эти цифры по колонкам (расположить их друг под другом), то можно проследить структуру мифа.

Клод Леви-Стросс пишет: «Мы будем рассматривать миф так, как если бы он представлял собой оркестровую партитуру, переписанную несведущим любителем, линейка за линейкой, в виде непрерывной мелодической последовательности; мы же пытаемся восстановить его первоначальную аранжировку. Мы будем действовать так, как если бы мы имели последовательность целых чисел вида 1, 2, 4, 7, 8, 2, 3, 4, 6, 8, 1, 4, 5, 7, 8, 1, 2, 5, 7, 3, 4, 5, 7, 3, 4, 5, 6, 8 и перед нами стояла задача сгруппировать все единицы, двойки, тройки и т. д., составив из них таблицу» (рис. 2).

1	2		4			7	8
	2	3	4		6		8
1			4	5		7	8
1	2			5		7	
		3	4	5	6		8

Рис. 2. Общая структура мифа согласно К. Леви-Строссу [10, с. 190]

Таким образом, задача Леви-Стросса заключается в том, чтобы извлечь из мифа об Эдипе его симфонию, или смысл. Он формирует таблицу, состоящую из повторяющихся блоков, отмечая, что, если мы хотим рассказать миф, то нужно, не обращая внимания на колонки, читать ряды слева направо и сверху вниз. Но если мы хотим его понять, то мы читаем слева направо, колонку за колонкой, причем рассматриваем каждую колонку как единое целое (таблица).

Т а б л и ц а

Структура мифа об Эдипе согласно К. Леви-Строссу [10, с. 191]

Кадм ищет свою сестру Европу, похищенную Зевсом			
		Кадм убивает дракона	
	Спартанцы убивают друг друга в братоубийственной резне		
			Лабдак (отец Лайя) = хромой (?)
	Эдип убивает своего отца Лайя		Лай (отец Эдипа) = левша (?)
		Эдип убивает сфинкса	
			Эдип = толстоногий (?)
Эдип женится на своей матери Иокасте			

	Этеокл убивает своего брата Полиника		
Антигона, нарушая запрет, хоронит свое- го брата Полиника			

Все отношения, сгруппированные в одной и той же колонке, согласно предположению Клода Леви-Стросса, имеют те общие черты, которые предстоит выявить. В частности, общая черта всех событий, приведенных в первой колонке, – это переоценка (гипертрофия) родственных отношений. Во второй колонке представлены те же отношения с обратным знаком, что можно определить, как атрофию (или обесценение) отношений родства, семейных связей. Третья колонка посвящена чудовищам и их уничтожению. Здесь окажутся события, объединенные мотивом уничтожения сверхъестественных обитателей земли – чудовищ. Сюда попадут Кадм, убивающий дракона, и Эдип, убивающий Сфинкса. Сначала речь идет о драконе, хтоническом монстре, которого нужно убить для того, чтобы люди могли родиться из земли, а затем о сфинксе, стремящемся лишиться жизни свои жертвы, людей, при помощи загадок о том, что есть человек. По Леви-Строссу, глубинный смысл уничтожения Кадмом и Эдипом хтонических монстров состоит именно в отрицании родства с ними, т. е. «отрицании автохтонности человека» и утверждении того, что человека рождает не земля, а союз мужчины и женщины.

Наконец, четвертая колонка позволяет понять значимость имен персонажей мифа: Лабдак переводится как «хромой»; Эдип – «колченогий». В мифологии часто упоминается, что, родившись из земли, человек в самый момент своего возникновения не умел ходить или ходил очень неуклюже. Данный физический недостаток Леви-Стросс трактует как своего рода «родовую травму», последствия которой и нашли свое закрепление в именах и прозвищах героев. Эта травма является следствием рождения человека из земли, и, следовательно, мифемы этой группы на глубинном уровне «утверждают автохтонность человека», т. е. говорят о «произвольном» происхождении человека вне рамок биологической связи матери и отца.

Примечателен тот факт, что все колонки находятся друг с другом в определенных отношениях. Это становится отчетливо ясно, если вскрыть так называемые бинарные оппозиции – смысловые антитезы, которые составляют важную часть структурного анализа К. Леви-Стросса.

Подробно изучая первобытную культуру различных народов мира, французский исследователь пришел к выводу о ее бинарном характере и доказывал наличие единой структуры во множестве на первый взгляд разнородных мифов. Это связано с тем, что главная функция мифа заключается в обеспечении познаваемости мира через преодоление его противоречий. Причем восприятие мира через бинарные оппозиции, согласно мнению французского ученого, актуально и для современного

человека, имеющего ту же структуру разума. Утверждая общность процесса восприятия у современного и первобытного человека, Леви-Стросс доказывал: «Как и в древности, глаз передает в мозг не просто фигуративные образы, но и систему бинарных оппозиций – между покоем и движением, цветом и бесцветностью... Получив такую скромную информацию, глаз или мозг реконструируют предмет в целом, хотя, собственно говоря, в целом они его никогда не воспринимали» [15, с. 152–155].

Таким образом, по Леви-Строссу, древний человек осмыслял мир в понятиях двоичных оппозиций: пространственных (верх/низ, далеко/близко, правое/левое), временных (давно/недавно, вчера/сегодня), осязательных (холод/тепло, мягкое/твердое), вкусовых (сырое/вареное) и т. д. Из осознания этих отношений, с точки зрения исследователя, и рождаются древние мифы, которые покоятся на логике бинарных оппозиций [16, с. 111].

Весьма красочно Леви-Стросс описывает эти оппозиции в своих мифологиях – «Сырое и приготовленное», «От меда к пеплу» и др. «Такие выражения как “ну просто медовый”, “сладкий, как мед” на протяжении многих тысячелетий продолжают иметь хождение в нашей цивилизации. Напротив, метафоры, навеянные употреблением табака, имеют недавнее, легко датируемое происхождение... “это не стоит выкуренной трубки”: это никуда не годится; и “впасть в табак”, то есть в нужду... У моряков выражения... “дело – табак” коннотируют с плохой погодой. “Дать прикурить, припечь, задать трешку” означают плохо, грубо обращаться, поколотить. Итак, разговорный язык свидетельствует о том, что выражения “медовый” и “пахнет табаком” образуют пару, служат для выражения многоуровневых идей-антитез... Несмотря на некоторые пересечения, расположение точек их семантического равновесия различно: одни, в основном, восхваляющие, другие – уничижительные. Соответствующие им коннотации – избыток и нехватка, роскошь и нищета; либо нежность, доброжелательность и спокойствие, либо турбулентность, насилие и беспорядок» [17, с. 15–16].

При этом бинарные оппозиции существует не хаотично, а формируют так называемый «семиотический квадрат», который в свою очередь повторяет знаменитый «логический квадрат», давно известный философам и ученым (рис. 3).

Возвращаясь к структурному анализу мифа об Эдипе, записанные ранее в таблицу четыре колонки можно выстроить согласно четкой логической схеме (рис. 4).

Смысловый анализ колонок делает очевидным характер отношений между ними: первая и вторая колонки, также как третья и четвертая колонки находятся в отношениях оппозиции. При этом мифемы первой и третьей колонки, так же как мифемы второй и четвертой колонки, образуют отношения дополнительности: гипертрофия кровного родства в смысловом плане дополняется отрицанием автохтонности человека, а атрофия (обесценение) кровного родства семантически дополняется утверждением автохтонности человека.

А Противоположность (контрарность) Е

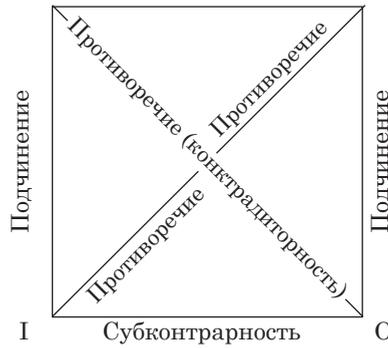

Рис. 3. Схема логического квадрата [18, с. 82]

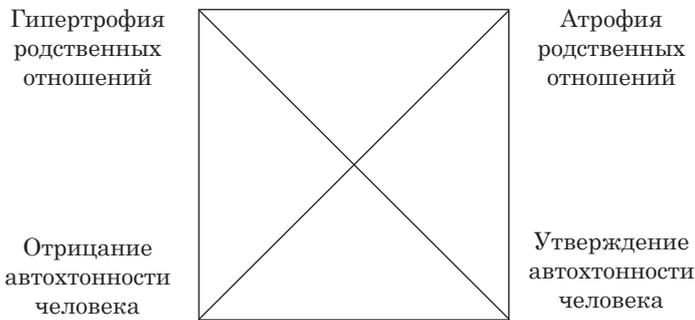

Рис. 4. Семиотический квадрат применительно к мифу об Эдипе [8, с. 211]

Подобные построения связаны с вопросом, которым неизменно задаются первобытные группы/этноты — как происходит рождение человека? Как отмечают исследователи, «современные представления о том, как рождается человек, — очень поздние, все мифологические герои рождаются каким-нибудь экзотическим, с нашей точки зрения, образом: из головы отца, от наговора, от укуса какого-то насекомого и так далее. Наконец, они просто вырастают из земли» [19, с. 97].

Таким образом, на вопрос о происхождении у первобытных, архаических обществ имеются два ответа. Первый — это хтоническое происхождение человека (земля — «великая мать» с помощью партеногенеза рождает человека). Именно с этой идеей связано отрицание семейных связей — атрофия (обесценение) родственных отношений, по терминологии Леви-Стросса, т. е. представление о том, что человеку, чтобы появиться на свет, не нужно рождаться от матери и отца. Его создает мать-земля, боги, для него характерно автохтонное происхождение.

Вторая версия, обозначаемая через гипертрофию родственных отношений, наоборот, говорит о том, что для рождения ребенка необходим союз двух людей. То есть двое (мужчина и женщина) порождают одного ребенка. Эта версия является более «выигрышной» в сравнении с преды-

душей. С точки зрения Леви-Стросса, это выражено в том, что, во-первых, в мифах часто происходит убийство хтонических существ, например, дракона или змея. Все возникшие из земли персонажи в мифах являются побеждёнными и проигравшими. Значит, побеждает версия «двуполости». Во-вторых, во всех мифах люди, которые выходят из-под земли, обладают различными недостатками: не могут хорошо ходить, прихрамывают, они всегда несколько неуклюжи. В разбираемом древнегреческом мифе это отчетливо видно.

Смысл мифа об Эдипе, таким образом, является следующим: переоценка кровного родства (Эдип женится на своей матери Иокасте) в отношении к его обесценению (Эдип убивает своего отца) синонимична стремлению отрицать автохтонность (человек появляется не из земли, а естественным путем рождается от матери и отца) по отношению к утверждению автохтонности (человек происходит из земли магическим способом).

В результате, глубинное содержание мифа об Эдипе, по мнению французского ученого, может быть сведено к противоречию между верой в автохтонное, необыкновенное происхождение человека и наблюдением биологического рождения новых поколений людей от своих родителей. Совместить в своем сознании эти два варианта появления человека на свет (мистический и естественный) крайне трудно, и он пытается разобраться в этой загадке, используя логику бинарных противоречий.

Таким образом, согласно Леви-Строссу, глубинное содержание мифа об Эдипе связано с фундаментальной проблемой происхождения человека, а сам миф в его предельном значении является средством обозначения логического противоречия, которое сопровождало жизнь первобытного человека, – противоречия между восприятием реальности и самой реальностью.

Подводя итоги, можно констатировать положительные и отрицательные стороны методологии структурализма. Безусловно, позитивной стороной структурализма является возможность показать наличие общей структуры в фольклоре различных племен и народностей и объяснить, почему на протяжении истории в легендах, сказках и мифах всех народов мира встречаются удивительные совпадения.

Преимущество этого подхода состоит также в том, что он позволяет сделать «мир культур» понятным и предсказуемым. Перед нами предстает не хаотичный и случайный набор явлений и фактов, а упорядоченная структура, где каждое явление занимает свое строго отведенное ему место. Факты культуры и истории перестают быть спонтанными, появляется понимание общих принципов, которые ими управляют.

Структуралистский подход позволяет ответить и на вопрос о смысле, раскрыв глубинное значение некоего культурного явления: мифа, обряда, ритуала, традиции или сложившейся социальной практики. А это в свою очередь дает возможность избежать как нигилистической трактовки народной культуры (собрание сказок, легенд, мифов не имеет смыс-

ла), так и их упрощенно-обыденного понимания (сказка учит тому, что следует быть мужественным, помогать слабым и др.).

В негативном плане, для структурализма характерна ярко выраженная недооценка роли личности – от свободы индивида в этом философском направлении практически ничего не осталось. Ведь, согласно структурализму, субъект всем, чем он может являться: говорящим, мыслящим, социальным и культурным существом – полностью обязан внешним для него структурам [8, с. 214]. Последнее утверждение парадоксально сближает структурализм с марксизмом, который, как известно, мыслит человека как совокупность производственных отношений, но исходит из совершенно иных методологических оснований.

Кроме того, как считают критики, структурализм оказался не в состоянии перейти от анализа отдельных мифов к более высокому уровню обобщения и дать внятный способ объяснения исторической действительности. Возможно, это связано с тем, что бинарные оппозиции как способ структурирования реальности специфичен именно для мифологического сознания. С изменением форм общественного сознания, усложнением их структуры, вероятно, меняются и способы объяснения исторической реальности. Попытки Леви-Стросса приравнять историю к мифу на том основании, что речь идет об одинаковых по своей сути способах объяснения действительности через рационализацию настоящего путем взглядывания в прошлое, также подверглись осуждению как несостоятельные и непродуктивные [20]. Кроме того, остается открытым вопрос о природе бессознательных структур психики, способствующих осознанию окружающей реальности.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что, хотя структурализму не удалось в полной мере реализовать свою заявленную программу и совершить «научную революцию» в гуманитарном знании, выстроив его по образцу естественных наук, он оказал заметное влияние на методологию и философию науки. Необходимость изучения социального факта не как изолированного и единичного явления, а как сложной системы, обладающей структурой, где все элементы тесно взаимосвязаны между собой и с окружающей социальной средой, стало общим местом и в политологии, и в социологии, и в психологии, и в истории. Одновременно структурализм подчеркнул важность междисциплинарных подходов в гуманитарном знании, тем самым задав перспективу исследований на многие годы вперед.

Литература

1. Современная философия : словарь и хрестоматия. – Ростов н/Д. : Феникс, 1995. – 511 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : А-сад : Талисман, 1994. – 405 с.
4. Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. / В. Дильтей. – М. : Три квадрата, 2004. – Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. – 419 с.

5. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
6. *Блауберг И. В.* Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с.
7. *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
8. *Гаспарян Д. Э.* Введение в неклассическую философия / Д. Э. Гаспарян. – М. : РОССПЭН, 2011. – 398 с.
9. *Clarke S.* The Origins of Levi-Strauss's Structuralism / S. Clarke // *Sociology*. 1978. – Vol. 12. – № 3. – P. 405–439.
10. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М. : Наука, 1985. – 398 с.
11. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
12. *Голосовкер Я. Э.* Избранное. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М. : СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2010. – 496 с.
13. *Фрейд З.* Толкование сновидений / З. Фрейд. – М. : Попурри, 2003. – 576 с.
14. *Фромм Э.* Забытый язык. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2009. – 442 с.
15. *Маслова С. В.* Бинарные оппозиции в современном массовом сознании / С. В. Маслова, А. В. Усова // *Вестник науки Сибири*. – 2014. – № 4. – С. 152–155.
16. *Турышева О. М.* Теория и методология зарубежного литературоведения / О. М. Турышева. – М., 2012. – 160 с.
17. *Леви-Строс К.* Мифологиики : в 4 т. / К. Леви-Строс. – М. : СПб. : Унив. КН., 2000. – Т. 2: От меда к пеплу. – 442 с.
18. *Гетманова А. Д.* Логика / А. Д. Гетманова. – М. : Нов. шк., 1995. – 416 с.
19. *Руднев В. П.* К новой теории бессознательного / В. П. Руднев // *Знание. Понимание. Умение*. – 2010. – № 3. – С. 94–99.
20. *Beidelman T. O.* Levi-Strauss and History / T. O. Beidelman // *The Journal of Interdisciplinary History*. – 1971. – Vol. 1. – № 3. – P. 511–525.

Ярославский государственный медицинский университет

Христенко Д. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Филькин А. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии

E-mail: filkin1964@mail.ru

Yaroslavl State Medical University

Khristenko D. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy Department

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Filkin A. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy Department

E-mail: filkin1964@mail.ru